

В глубоком одиночном каменном мешке Тяжелой тюрьмы, высоко в стене, чернело небольшое смотровое окошко. Узник поднял голову и как раз увидел, как сквозь решетку на самом верху тюремного свода внутрь льется бледный лунный свет, освещая крошечный клочок пола мягким золотистым сиянием. Смутный, призрачный лунный свет словно переносил человека сквозь тысячелетия — неизменный во все веки, струящийся из глубины веков. Стоит лишь искупаться в этом лунном сиянии, проносящемся сквозь тысячелетия, как тревоги и мысли в душе, бурные, кипучие, подобно паводковым водам, вздымаются и опадают, уносясь вместе с безмятежным течением.

Тяжелые сальные свечи на внешних стенах камеры не могли разогнать царивший в глубине полумрак. Плывущие тени на стене то вытягивались, то сжимались. В углу, сжавшись в комок, сидел человек, его лицо в неверном свете казалось смазанным и неразличимым. Он горбился, втянув грудь и опустив плечи, привалившись боком к стене, и лежал там безжизненной, разодранной на клочья тряпичной сумой. Человек застыл так неподвижно, будто спал или умер, но широко распахнутые глаза упрямо свидетельствовали о том, что он всё еще бодрствовал.

Его взгляд скользнул в сторону, уставившись на холодный мох на стене, но сам он не издавал ни звука.

Тюремный надзиратель суда Дали медленно шагал по задним покоям ведомства, стуча в двери и отчитываясь на ходу. В зале заседаний сидели двое. Один из них, облаченный в черное одеяние с широкими рукавами, в высоком головном уборе, с исхудалым, мертвенно-бледным лицом, некоторое время стоял молча, заложив руки за спину — это был Ло Аошэн.

Надзиратель доложил:

— Последние дни в Тяжелой тюрьме тихо и спокойно. Разве что прошел слух о том, что в заточение угодил Цзиньго-гун, и многие хотят повидать Чжуан Цзяня, выдававшего себя за Цзиньго-гуна. Но Чжуан Цзянь никого не принимает, преступник целыми днями сидит лицом к стене и не произносит ни единого слова. Не говорит ровно ничего.

Ло Аошэн хранил молчание, не поднимая бровей, лишь слушая доклад надзирателя.

Надзиратель продолжил:

— Явился даже чанъаньский столичный префект и потребовал выдать Чжуан Цзяня, заявив, будто тот натворил дел в Чанъани и по закону должен находиться под стражей и дознанием в Чанъаньской управе. Шаншулин Чжу Син тоже прислал людей и передал серебро и прочие вещи: мол, если чего-то не хватит, можно смело требовать из его особняка. А молодой господин Чжоу Фу, которого ныне пристроили в Управлении императорского клана, целыми днями обивает пороги суда Дали и закатывает истерики. Преступник Чжуан Цзянь бросил лишь одну фразу: «Мне нечего сказать, никого не вижу». А крики и вопли молодого господина Чжоу Фу у тюремных ворот доносились сюда, да так громко, что своды тюрьмы гудели от эха. Но преступник Чжуан Цзянь, услышав это, не кричал, не возмущался, не радовался и не горевал. Истинно странное, непостижимое дело...

Весь при дворе недоумевал, не в силах разобрать, то ли это Чжоу Фу, то ли Лю Фу. Этот юноша явно доводился сыном Чжоу Вэйчжуану, но неведомо какими путями вдруг превратился в императорского сына Лю Фу. Ныне наследный принц поручил пристроить его князю Юнпину, а он снова явился сюда, в эту страшную тюрьму, оплакивать Чжуан Цзяня так горько и надрывно, будто хоронил собственного отца. Все эти хитросплетения и извивы были таковы, что о них не стоило и рассказывать посторонним.

И сам этот узник вел себя до крайности причудливо: задрал нос и отнесся с ледяным пренебрежением к тем влиятельным особам, что приходили подкупить стражу и наладить связи.

Вскоре после того, как князь Юнпин увел убаюканного Лю Фу, императрица Цао — ЦАО Цзе, что правила внутренней частью двора и олицетворяла собой мать Поднебесной — лично прибыла в Тяжелую тюрьму суда Дали, чтобы навестить главу суда Дали Ло Аошэна.

Ло Аошэн мог проигнорировать предлог чанъяньского столичного префекта забрать преступника или делать вид, будто не замечает пересудов чиновников всего двора о так называемом «потворстве закону и пренебрежении правосудием», однако отклонить расспросы самой императрицы ЦАО он не смел.

Ло Аошэн лично сопровождал ЦАО Цзе, когда та вошла в Тюрьму министра юстиции. Будучи министром, он не мог отвергнуть волю императрицы, но и допустить, чтобы преступник и императрица остались в этой страшной тюрьме тет-а-тет, тоже было нельзя.

Ло Аошэн заложил руки за спину и замер в конце прохода за тюремными воротами, временно отступив в сторону и стоя спиной к дверям тюремного зала допросов, даже не оборачиваясь и не вступая в разговор.

Чжуан Цзянь сидел, скорчившись спиной к тюремным дверям, не обращая ни на что ни малейшего внимания, не произнося ни слова и не шевелясь.

Императрица ЦАО, будучи государыней, не могла сама войти в мрачную камеру смертников. Поэтому она присела в светлой приемной у ворот Тюрьмы министра юстиции и приказала передавать Чжуан Цзяню свои слова указ за указом. Главный евнух передал императорскую волю: если Чжоу Вэйчжуан претерпел какие-то несправедливости, он может во всем открыто признаться императрице; и если его оклеветали столь тяжкими ложными обвинениями, императрица не поддастся мерзким слухам и непременно поверит, что Чжоу Вэйчжуан — вовсе не тот Чжуан Цзянь, что совершил убийство императорской наложницы и наследника в деле об убийстве в Сяньяне.

Чжуан Цзянь не опустился на колени, чтобы принять указ, не стал писать прошений и оправданий, а лишь молча, не произнося ни звука, глядел на стены, сложенные из тяжелых синих тесаных камней.

Прежде он сыпал остротами, его речи лились неукротимым потоком, а язык был острее

бритвы. Он мог говорить о чем угодно, плести любые словесные кружева, демонстрируя проворное красноречие и неиссякаемый запас слов. В этот же самый миг, когда его жизнь висела на волоске, когда он угодил в глубокую тюрьму, а на голову обрушилось смертельное обвинение, он словно лишился способности издавать хоть звуки. Этот человек будто за одну ночь запечатал уста песком и камнем и не вымолвил больше ни единого слога.

Истинно удивительный, причудливый человек.

Главный евнух стоял за тюремными решетками и, брызгая слюной, убеждал господина Чжоу Вэйчжуана: императрица твердо уверена, что он не тот бывший сын цензора, и велит ему приводить доводы в свое оправдание. А этот Чжуан Цзянь сидел в тюрьме, точно его душа улетела куда-то далеко. С той дождливой ночи, когда министр Ло поймал его единым махом и бросил в темницу, он больше не проронил ни звука. Его взгляд был пуст и бездончен, устремлен вперед — казалось, он пробивается сквозь оковы Тяжелой тюрьмы, сквозь толщу стен туда, где расстилались далекие дали.

Он всё смотрел куда-то вдаль.

На что же он смотрел?

Он не бросил и взгляда, не произнес ни слова, не обронил ни единого знака.

Не добившись толку, главный евнух вернулся к императрице ЦАО и доложил:

— Господин Чжоу словно сам на себя не похож, душа его покинула тело, и ныне там сидит лишь пустая оболочка. Он разучился даже говорить. Вашему слуге оставалось лишь самому отвечать за него. Но как ни старался ваш слуга, господин Чжоу так и не раскрыл рта.

На лице ЦАО Цзе отразилась тревога. Весь двор шумел и гудел, каждый был потрясен до глубины души, а сплетни и толки захлестнули Чанъань с головой. Министр Ло прямо на судебном заседании разоблачил преступление Чжоу Вэйчжуана под чужим именем и тут же схватил его — от этого известия земля, казалось, задрожала сама собой, содрогнулись основы государства Великая Хань и необъятные чертоги императорского двора.

Императрица тоже не могла до конца в это поверить.

— Подумать только, и в страшном сне не приснилось бы, что Чжуан Цзянь выдавал себя за Чжоу Вэйчжуана, а Чжоу Вэйчжуан на самом деле оказался сыном покойного цензора Чжуана.

Если не верить в это, то главный министр юстиции великой державы уж точно не стал бы выдвигать обвинения без почвы и доказательств. Но если это правда, то почему Чжуан Цзянь не убил своих врагов, почему не бежал и не скрылся, а вместо этого несколько раз спас жизнь наследному принцу?

Во всем этом таилось слишком много непостижимых, удивительных загадок.

Раз уж он молчит, то и путь к спасению и заступничеству проложить невозможно — даже высшие Будды и грозные небожители не способны вернуть мертвеца в мир живых.

Императрица ЦАО внезапно выскочила из светлой приемной и в несколько широких шагов добралась до дверей камеры смертников, где держали Чжуан Цзяня. Присутствовавшие при этом тюремные чиновники тут же нахмурились: высочайшая особа императрицы спустилась в самую темницу — и без того неслыханное дерзновение, а теперь она еще и нарушает тюремный устав, вступая в разговоры с преступником. Какими бы грандиозными связями ни обладал тот, кто хочет пересмотреть его дело и выволить на свободу, извольте сперва испросить священный указ и действовать по правилам, а так ведь они вовсе не оставили им лица. Каждый мысленно выругался, не скрывая недовольства на лицах.

Ло Аошэн не желал ни видеть, ни слышать лишнего, а потому не пошел следом и предпочел отступить в сторону.

Императрица встала за железными прутьями и мягко произнесла:

— Чжоу Вэйчжуан, помнишь ли ты, какое растение росло пышнее всего в прежнем особняке семьи Чжоу?

Все опешили, не понимая, к чему императрица заговорила о каких-то цветах и травах.

Чжуан Цзянь тупо смотрел вдаль, словно вовсе не слыша вопросов государыни.

Императрица продолжила:

— Прежде в особняке семьи Чжоу в Сяньяне росло дерево, именуемое повойем. С наступлением весны, лета, осени и зимы оно проходило весь путь: крошечное семечко прорастало, росло, цвело, плодоносило и увядало — словно проживало все четыре времени года. Цветы его были легки и прекрасны, унесенные ветром, стебли — длинными, а соцветия — ослепительными.

Чжуан Цзянь выглядел так, будто ослеп и оглох, и не проронил в ответ ни слова.

ЦАО Цзе заговорила вновь:

— Цветок этот пробивается ростками по весне, цветет летом, приносит семена осенью и увядает зимою. Сколь ни губи его, весной он зацветает вновь. И долгие дни эти подобны человеческой жизни. Чжоу Фу больше всего любил этот цветок и часто уподоблял себя этой траве.

Чжуан Цзянь не шелохнулся. О том, что Чжоу Фу вечно сравнивал себя с травой долголетия, как гласила народная молва, прекрасно знали многие знатные семейства столицы.

ЦАО Цзе опустила голову, и в груди ее кольнула легкая боль:

— Чжоу Вэйчжуан, ныне зима подходит к концу, на пороге стоит начало весны. Но вся красота года заключается именно в весне!

Весна — это исток, пора прорастания и роста трав и деревьев во все времена года, пробуждение всего сущего, рождение жизни.

Жизнь должна заново пробиться ростками с приходом весны.

Волосы Чжуан Цзяня были спутаны и грязны, он поднял лицо к окошку и хранил упорное молчание.

Делать было нечего, и окружающие бросились поднимать императрицу, наперебой уговаряя ее вернуться. ЦАО Цзе приказала возвращаться во дворец. Окруженная евнухами, служанками и судебными чиновниками, она шла к выходу из тюрьмы, но, обернувшись и бросив прощальный взгляд на спину Чжуан Цзяня, уже не могла вымолвить ни слова.

Чжуан Цзянь так и сидел лицом к стене, не проронив ни звука.

Что тут скажешь? И что можно сделать?

Когда все разошлись, Чжуан Цзянь продолжал смотреть на стену, зачарованно и пьяно вглядываясь в нее.

Долго-долго спустя, в полумраке темницы, куда не проникали лучи солнца и дуновения ветра, где день и ночь горели лишь тусклые светильники, в тенях, куда не доставал свет пламени, бесшумно стоял человек. Он замер за железными прутьями решетки, тихо вглядываясь в камеру, и стоял так очень долго.

Глава суда Дали Ло Аошэн стоял снаружи, обводя Чжуан Цзяня пристальным взглядом своих раскосых фениксовых глаз — сверху вниз, снизу вверх, разглядывая каждую деталь. Прежний Чжоу Вэйчжуан, которого знал Ло Аошэн, умел скандалить, мошенничать, волочиться за женщинами, выглядел жалким, растерянным или даже мудрым и ветреным, но даже когда его истязали до полусмерти, в его глазах теплилась жажда жизни. А у этого человека три души и семь похищенных душ оставили лишь могильную тишину и мертвую пустоту. Чем дольше Ло Аошэн смотрел, тем сильнее ему казалось, что он никогда прежде не знал этого человека.

Верно. Этот человек вовсе не Чжоу Вэйчжуан, он — Чжуан Цзянь.

Чжуан Цзянь долго смотрел на стену, пока пепельно-серый цвет не сгустился в большие черные пятна. Его шея затекла, а глаза заболели от напряжения. В этот момент мимо его лица пролетел сорный уголек и угодил прямо в глазницу, застряв в глазу. Чжуан Цзянь поднял руку и потер глаза.

Кто-то за его спиной тихо вздохнул. Чжуан Цзянь весь задрожал, его спина мгновенно

напряглась, превратившись в камень.

От этого человека исходил тонкий шлейф аромата, и густой запах чайных листьев медленно поплыл по каменной камере.

В мрачной и холодной тюрьме повеяло скрытым благоуханием.

Министр юстиции суда Дали Ло Аошэн тихо стоял в темноте, пронзительным и ясным взглядом своих узких фениксовых глаз оглядывая его с головы до ног:

— Пепел попал в глаза?

Чжуан Цзянь протянул руку, надавил на веки и опустил ладонь.

Ло Аошэн в черном одеянии сливался с мраком тюрьмы, казалось, он сам стал частью этого каменного мешка. Его стройный и гибкий стан выглядел таким тонким, будто его мог свалить порыв ветра, словно его можно было обхватить одной рукой. Пляшущий свет свечей на стене освещал Тюрьму министра юстиции, отражая силуэт его черных одеяний на тюремной стене. Черная тень покрывала добрую половину каменной кладки.

Стоявшие рядом чиновники и стражники поспешно отступили — никому не позволялось стоять с ним вровень даже тенью.

В тюрьме стояла мертвая тишина, особо опасные преступники затаили дыхание, не смея издать ни звука.

Министр Ло смотрел на спину Чжуан Цзяня. Он глядел на него очень долго. Наконец он заговорил размеренным голосом:

— Государь тяжело болен, и жить ему осталось считанные дни. Императрица отложила заботы об императоре и специально приехала в суд Дали. Ты — чиновник императорского двора, а потому подобающие правила и уважение выказать обязан.

Чжуан Цзянь промолчал.

Ло Аошэн продолжил:

— Императрица оставила слово: когда бы ты ни пожелал увидеться или высказаться, она прикажет все устроить и передать твои слова.

Чжуан Цзянь смотрел перед собой на каменную стену, по которой змейками вился мох. Воздух в тюрьме был сухим, но из-за отсутствия солнечного света процветала и буйно разрасталась любящая сырость зелень.

Ло Аошэн вглядывался в его спину:

— Если у тебя есть какие-то сомнения или несправедливости, я прикажу во всем разобраться и дам тебе отчет.

Чжуан Цзянь заметил, как несколько муравьев и степных жучков один за другим проползли по сухой траве и скрылись в трещине стены.

Ло Аошэн произнес:

— Если ты затаил обиду или гнев, можешь высказать их мне, и я тоже объясню тебе всё.

Чжуан Цзянь видел, как последний муравей переполз стебли мха и исчез из виду.

Ло Аошэн спросил снова:

— Тебе действительно нечего сказать?

Чжуан Цзянь смотрел на стену, не произнося ни слова.

Ло Аошэн всматривался в его спину, больше не говоря ничего.

Они сидели и стояли — один внутри камеры, другой снаружи. В Тяжелой тюрьме слышно было лишь то, как потрескивают горящие восковые свечи. Помимо этого воцарилось всеобщее безмолвие, лишь издали доносился глухой звон тюремных цепей да стоны заключенных, отчего вокруг становилось еще тоскливее, а тени замерли неподвижно.

Чжуан Цзянь слегка моргнул — соринка все еще оставалась в глазу, ее так и не выдуло. Глаза нестерпимо болели, и он поднял правую руку, чтобы снова потерять их.

Ло Аошэн посмотрел на него и вздохнул:

— У тебя руки в пыли, так ты только сильнее разотрешь грязь, и глаза заболят еще больше.

Он достал из-за пазухи белый шелковый платок, протянул руку к железным прутьям и произнес:

— Вытри платочком, и станет легче.

Чжуан Цзянь даже не обернулся. Он протянул руку, зачерпнул воды из стоявшей на лежаке чаши и ополоснул глаза, по-прежнему игнорируя остальных.

Рука министра юстиции Ло застыла на весу — платок, добрая воля и предложение помощи

повисли в воздухе, и он не знал, то ли отдернуть руку, то ли оставить ее протянутой, застыв в оцепенении.

Помощник министра суда Дали, стоявший в отдалении и наблюдавший за этой сценой, едва не лопнул от злости. Сделав несколько широких шагов вперед, он холодно рявкнул:

— Чжоу Вэйчжуан! Забыл, чьими руками тебе даны и этот платок, и вода, и еда, и трехразовое питание, и одежда, и минута покоя, и даже твоя никчемная жизнь — всё это даровано руками министра юстиции суда Дали! Если у тебя такой нестигаемый характер и гордость, так взял бы да покончил с собой — вот тогда ты был бы настоящим героем! Аль хочешь отведать каково это — пройти через пытки?

Ло Аошэн бросил на помощника косой взгляд, и тот задрожал от страха, захлопнув рот и не смея больше произнести ни звука.

Угроза возымела действие: Чжуан Цзянь тут же спесиво сбавил тон, поднялся на ноги, стряхнул с одежды сухую пыль и подошел ближе. Протянув руку, он принял платок из рук Ло Аошэна и произнес:

— Благодарю вас, господин министр. Заботу императрицы и министра юстиции принимаю всем сердцем. Какое бы наказание ни назначили, приму его на себя безропотно. Никаких обид и скрытых причин не имею, во всем полагаюсь лишь на предначертанную судьбу.

Тон его был смиренным, выражение лица — безмятежным, в нем не было ни скорби, ни ропота; за мягкостью скрывался внутренний стержень. Он аккуратно сложил платок и положил его рядом на каменный лежак.

Перед ними снова предстал тот самый сын покойного цензора Чжуана — Чжуан Цзянь.

Сердечно содрогнувшись от испуга, Ло Аошэн застыл. За тем прежним Чжоу Вэйчжуаном, что вечно отпускал шуточки, скандалил, волочился за женщинами, был эгоистичен, труслив и напрочь лишен серьезности, теперь проступал настоящий благородный муж — воспитанный на семейных заветах чистейшего неподкупного цензора, постигший человеческую природу, понятия о долге и справедливости, готовый пожертвовать собой ради других.

Но в то же время казалось, будто чего-то в нем безвозвратно лишилось.

Он усмирил свой нрав, сделался донельзя правильным, благовоспитанным, выносливым и рассудительным. Точь-в-точь книжный благородный муж или персонаж со старинного свитка: тусклые, поблекшие краски, строгая приверженность долгу и правилам приличия, книг много, а споров мало, вечная мудрость святых мужей на устах, мягкие и доброжелательные манеры. Вот он какой, Чжуан Цзянь, отпрыск знатного чиновничьего рода.

Ло Аошэн развернулся и зашагал обратно.

То была та самая пора, когда герои доходят до конца своего пути, а красавицы увядают.

— На сей раз он и впрямь «почувствовал боль».

Выходит, этот человек и впрямь умеет по-настоящему «испытывать боль»?

На следующий день суд Дали заседал в парадном зале.

Просторный центральный зал судебных заседаний суда Дали пустовал, по обеим сторонам выстроились ряды стражников. Лишь обвиняемый Чжуан Цзянь в кандалах и колодках стоял на коленях посреди зала. Высоко над судейским местом красовалась дощечка с надписью: «Благородство, прямота, справедливость и честность». Во главе зала восседал заместитель главы суда Дали Чжан Линь, ведя дознание, а министр юстиции Ло Аошэн расположился сбоку в качестве наблюдателя. Чжан Линь строго спросил:

— Стоящий внизу преступник, как твое имя?

Чжуан Цзянь поднял голову и лицо, чувствуя легкую умиротворенность: наконец-то, спустя целое десятилетие, всё подошло к концу. Его ум был ясен и чист, не осталось ни гнева, ни печали, лишь безучастное смирение и бескрайний простор в душе.

Чжуан Цзянь спокойно ответил:

— Какая у меня фамилия и имя, записано в судебных свитках.

Чжан Линь нахмурился:

— Чжуан Цзянь.

— Так точно.

— Ты признаешь свою вину? — продолжил допрос заместитель главы. На душе у него было беспокойно: если и дальше плыть по течению его ответов, добиться признания не удастся.

И верно, Чжуан Цзянь спокойно произнес:

— Признаю.

Сидевшие поодаль чиновники, наблюдавшие за процессом, слегка опешили. Все прекрасно знали, что Чжоу Вэйчжуан (Чжуан Цзянь) славился своим острым языком, ученостью и софистикой. Стоило ему зашевелить губами, как его ядовитое красноречие могло оживить мертвеца и уморить живого. Чиновники готовились к затяжной и ожесточенной словесной войне, полной хитроумных уловок. Они никак не ожидали, что простое слово «признаю» повергнет всех в оцепенение, лишив возможности применить хоть какие-то усилия.

Чжан Линь спросил:

— В чем же твоя вина? Какие преступные деяния ты совершил?

Стоя на коленях посреди зала, Чжуан Цзянь вдруг почувствовал, как снаружи повеял свежий ветерок, давно не заглядывавших сюда. Он медленно пронесся вдоль опорных столбов зала. Весенний ветер принес ароматы травы и деревьев. На душе у него стало прохладно и легко, словно ее омыли чистой водой.

С безмятежным и честным лицом он произнес:

— Совершенные мною ошибки за столько времени стерлись из памяти. Однако раз уж меня привели на судейский помост, значит, я несомненно преступил закон. Прошу вас, господин судья, не задавайте лишних вопросов: просто перечислите пункты обвинения. Во всем, в чем я виновен, я сердечно признаюсь, подпишу бумаги и поставлю отпечаток пальца, ничуть не пытаясь переложить ответственность или вину на кого-то другого.

Речь звучала четко и логично, исполненная благопристойности. В ней не было и намека на увертки или попытки запутать следствие. Чжан Линь пришел в неописуемый восторг, в то время как Ло Аошэн, глядя на макушку Чжуан Цзяня, водил своими узкими фениксовыми глазами туда-сюда по его лицу. У Чжуан Цзяня были удлиненное лицо и тонкие губы, брови и глаза опущены вниз, взгляд и губы чисты и спокойны, а на лице и в осанке сквозило доселе небывалое умиротворение, послушание и порядок. В этот миг он вдруг отчетливо ощутил: чего-то в его облике недоставало. словно не хватало какой-то детали, из-за которой он казался совсем не тем Чжоу Вэйчжуаном. Уставившись на Чжуан Цзяня сверху вниз, Ло Аошэн мысленно размышлял: чего же такого по сравнению с прежним Чжоу Вэйчжуаном не стало в этом Чжуан Цзяне?

Ло Аошэн пристально вглядывался в него, а в груди его бушевал целый океан переродившихся мыслей и чувств. Рядом с ним восседали главный цензор, чанъаньский столичный префект, министры и даже князь Юнпин — все они заняли места поодаль, слушая допрос и наблюдая за процессом.

Чжан Линь поспешно подхватил:

— Ты изначально был слугой Чжоу Фу, так каким же образом ты выдал себя за младшего сына Чжоу Фу и сына Цзиньго-гуна, чтобы обманным путем заполучить высокие должности и заслуги? Признаешь ли ты этот грех? Отвечай честно, дабы не подвергать себя телесным наказаниям и мукам плоти!

Чжуан Цзянь ответил:

— Я во всем признаю свою вину.

Чжан Линь был вне себя от радости, брови Ло Аошэна слегка сошлись на переносице, но сам он хранил молчание.

— Каким же образом ты совершил столь тяжкое преступление?

Чжуан Цзянь почувствовал легкое раздражение: он же во всем сознался, к чему тянуть резину? Сдавшись, он вынужден был вновь открыть рот:

— После кончины господина Чжоу Фу я видел, что никто не осведомлен о его делах. Соблазнившись богатством и влиянием его семьи, я выдал себя за второго молодого господина Чжоу и поступил на службу.

Ло Аошэн внезапно всё понял.

В нем действительно чего-то не доставало. Он усмирил свой нрав, сделался правильным и благовоспитанным, выносливым и рассудительным — словно книжный благородный муж или человек со старинной картины в тусклых, поблекших тонах.

Тот самый человек, что заставлял его злиться, страдать, томиться и задыхаться от душевной боли, исчез. Исчезли прежняя жизнерадостность, наглая безнаказанность, своеобразие и похоть, исчезли беззаботный смех над миром, издевки над людьми и бунтарский дух, присущие Чжоу Вэйчжуану.

— Ныне же от него осталось лишь пустой обломок — с карманами, полными скверны, без единой опоры в жизни, с израненным сердцем и абсолютной, вселенской пустотой внутри.

Прежде Чжоу Вэйчжуан перед ним то подличал и вел себя мерзко, то трусил и жался от страха — разве доводилось ему когда-либо источать столь величественное спокойствие, проявлять такую нестигаемую волю к самоуважению? Или же всё дело в том, что Чжуан Цзянь, движимый страхом перед разоблачением, жаждой жизни и надеждой искупить вину подвигами, вел себя так?

Или же теперь, когда правда выплыла наружу и его подлинная личность обнажилась, он принял неизбежность смерти, и в его сердце просто не осталось страха?

Чжан Линь испытывал тайную радость: это дело с самого начала было чертовски сложным для вынесения приговора, и сейчас оставалось лишь задокументировать преступление Чжуан Цзяня — подлог личности и мошенническое получение чиновничьего поста. Прочее еще предстояло расследовать, но этот Чжуан Цзянь, всегда отличавшийся изворотливостью, несомненно, был до смерти напуган палками и жестокими пытками суда Дали!

<http://bllate.org/book/21149/2144292>